

ОТНОШЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К БУЛЛИНГУ И ЕГО УЧАСТНИКАМ

© 2016

Д.Я. Грибанова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Р.Р. Калинина, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Л.И. Максименкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Псковский государственный университет, Псков (Россия)

Ключевые слова: буллинг; участники буллинга; отношение к буллингу; насилие в школе.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению важной социально-психологической проблемы – буллинга, нового понятия для отечественной психологии, но не нового явления нашего общества. Чаще всего понятие «буллинг» используется для анализа случаев травли и насилия в образовательной среде. В статье дано определение буллинга с позиций Американской психологической ассоциации, представлена одна из классификаций буллинга. Описана структура данного явления с позиций диспозиционального подхода. Она включает участников буллинга: агрессоров, жертв (покорных и агрессивных), свидетелей (наблюдателей), которые, в свою очередь, могут активно или пассивно поддерживать агрессора, либо, наоборот, сочувствовать жертве и защищать ее.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в 2015–2016 гг. в школах города Пскова в 5–10 классах на выборке более 400 человек. Рассматриваются результаты, полученные на выборке десятиклассников, свидетельствующие об отношении старшеклассников к проявлениям насилия в школе, к его участникам: агрессорам, жертвам, свидетелям, а также к учителю и его действиям по предотвращению буллинга. Для эмпирического исследования был применен метод незаконченных предложений, разработанный Л.И. Максименковой.

Анализ полученных результатов позволил сделать выводы о характере отношения старшеклассников к проблеме буллинга, выявить некоторую противоречивость в отношении к агрессорам, жертвам и свидетелям. Полученные данные говорят также о неоднозначной оценке молодыми людьми действий учителя в ситуациях буллинга. Анализ результатов представлен в гендерном аспекте.

Актуальность проблемы буллинга обусловлена растущим числом насильственных действий школьников по отношению друг к другу. Из разряда исключительных случаев буллинг, или школьная травля, переходит в разряд социально-психологической проблемы, требующей решения не только на практическом уровне, но и на уровне научного осмысления [1].

Американская психологическая ассоциация дает следующее определение: «Буллинг – это форма агрессивного поведения, в которой кто-либо преднамеренно и многократно причиняет вред или неудобство. Буллинг может принимать форму физического контакта, слов или более изощренных действий» [2].

То, что считается буллингом, должно быть агрессивным и включать:

– реальный или воспринимаемый дисбаланс сил: дети, которые демонстрируют агрессивное поведение, применяют силу (физическую силу, доступ к личной информации или популярность) для контроля или причинения вреда другим;

– повторяемость, многократность;

– буллинг предполагает конкретные действия, такие как угрозы, распространение сплетен, физическое или вербальное нападение, умышленное исключение из какой-либо группы и т. п. [3].

Единства в классификации видов буллинга нет. Чаще всего выделяют такие разновидности буллинга, как физический; психологический, или эмоциональный (манипулирование сознанием жертвы, чтобы вызвать у нее беспокойство, тревогу, боль); вербальный буллинг; кибер-буллинг; моб-буллинг (обращение к бандам, криминальным или экстремистским группам).

При описании буллинга исследователи также традиционно выделяют прямую травлю (ребенка обзывают,

дразнят, бьют, портят его вещи, отбирают у него деньги) и косвенную (о ребенке распространяют слухи и сплетни, бойкотируют его, избегают, манипулируют дружбой). При этом для мальчиков более характерна прямая травля, а для девочек – косвенная. Нередко косвенная травля оценивается как менее серьезная и более нормативная: ученики легче вовлекаются в нее и меньше оказывают поддержку жертве; учителя реже узнают о ней и реже на нее реагируют [4; 5].

Традиционно под структурой подразумевают участников буллинга, выделяя их различные роли: агрессоры (преследователи), жертвы, наблюдатели (свидетели) либо агрессоры-жертвы, объединяющие эти две ролевые позиции [6; 7].

По мнению Д. Ольвеуса [8], агрессоры отличаются проявлением агрессии по отношению к сверстникам и даже ко взрослым. Они демонстрируют более позитивное отношение к насилию по сравнению с ровесниками и чаще разрешают себе его использовать в качестве инструмента для достижения каких-либо целей, не испытывая чувства вины при этом [6; 9]. Им свойственен нарциссизм, положительное самоотношение, они часто обладают высоким социальным статусом среди сверстников и собирают вокруг себя сообщников [10; 11].

Для агрессоров (bully) характерна импульсивность, отсутствие сочувствия к жертве и чувства вины и наоборот, черствость и сниженное чувство справедливости [7]. Однако они менее депрессивны, тревожны и реже испытывают чувство одиночества [12].

Основными мотивами агрессии преследователей, по мнению Д. Ольвеуса [8], являются: желание власти и доминирования над членами группы; удовлетворение от причинения вреда другим, а также получение вознаграждения благодаря насильственным действиям –

материального (деньги, сигареты, вещи и т. п.) или психологического (престиж, социальный статус в классе и т. п.).

Жертвы (victim) буллинга находятся в состоянии тревоги и страха, переживают чувство одиночества и изоляции. Они не умеют справляться с трудными ситуациями, склонны уклоняться от конфликтов, характеризуются чувствительностью, замкнутостью и застенчивостью. С одной стороны, жертвы травли желают одобрения со стороны сверстников, однако редко успешно вступают во взаимодействие с ними, так как часто получают неадекватные реакции на свое поведение [12].

Однако жертвой травли может оказаться ребенок, не обладающий никакими из данных свойств, в силу ситуационных факторов, например, возникшего чувства зависти или мести за какие-либо действия, зачастую надуманные [13]. Негативные эмоциональные состояния и трудности взаимодействия могут быть не факторами, а следствиями буллинга. Кроме того, жертвы травли также по-разному могут реагировать на агрессивные действия в их адрес, в связи с чем выделяют два типа: покорный и агрессивный (или провоцирующие жертвы) [14–16].

Большая часть детей выступает в роли свидетелей (наблюдателей) (bystanders) буллинга, в связи с чем сложно дать сколь-нибудь обобщенную их характеристику. Однако проведенные опросы свидетелей установили, что они испытывают чувство вины и бессилия от того, что не могут дать отпор обидчику [11]. Но и помочь жертве подавляющее большинство наблюдателей не старается. Позиция свидетелей буллинга очень важна для объяснения его природы, так как в 85–88 % случаев травли они находятся рядом и наблюдают за происходящим. Само присутствие наблюдателей при осуществлении травли и любая минимальная обратная связь (улыбка, например) являются положительным подкреплением действий агрессора усилением давления на его жертву. Т.В. Ермолова и Н.В. Савицкая [17] приводят результаты зарубежных исследований, где показано, что интенсивность буллинга прямо пропорциональна числу свидетелей, обеспечивающих положительную обратную связь агрессорам, и, наоборот, чем больше в классе защитников жертвы, тем реже там встречаются случаи травли.

Кроме того, наблюдатели могут также вести себя разнообразно: присоединяться к действиям преследователя; подстрекать агрессора к продолжению своих действий одобрительными возгласами или смехом; пассивно уклоняться от любых, даже вербальных, действий в отношении к жертве (26–30 % детей); защищать, поддерживать и утешать жертву (17–20 % детей).

Внутренний конфликт свидетелей заключается в том, что они, ощущая небезопасность среды, переживая страх, беспомощность и стыд за свою пассивность, в то же время присоединяются к агрессору. Они боятся потерять свой социальный статус в детском коллективе и, оказав помощь жертве самостоятельно или обратившись за помощью ко взрослому, подвергнуть опасности нападения самих себя. Кроме того, срабатывают классические социально-психологические феномены, например, диффузия ответственности за происходящее, приписывание вины за агрессивные действия самим жертвам, их психологическим особенностям и неумению справляться с трудностями [16, с.73].

Другой по своим социально-психологическим качествам представляется группа детей, пытающаяся защищать жертву. Они крайне негативно относятся к травле и агрессии в целом, имеют высокий уровень эмпатии, воспринимаются другими как борцы за справедливость. Они более эмоционально стабильные по сравнению со всеми остальными участниками буллинга и обладают довольно высоким уровнем когнитивного развития. В целом можно утверждать, что, несмотря на риск привлечь агрессивные действия на себя, наличие защитников резко снижает риск длительного буллинга и его возникновения в группе детей в дальнейшем.

В 2015–2016 гг. была разработана программа и осуществлено эмпирическое исследование, направленное на выявление представлений младших [19] и старших подростков [1], а также старшеклассников [18] о буллинге и его участниках. Всего в исследовании приняли участие более 400 человек. Одним из методов, примененных в исследовании, стал авторский вариант неоконченных предложений, составленных в соответствии с задачами проекта.

Анализ незаконченных предложений показал, что подавляющее большинство десятиклассников демонстрирует негативное отношение к насилию: 94 % девушек и 88 % юношей. Это выражается в таких ответах испытуемых: «Когда я вижу, что бьют моего одноклассника, я «останавливаю», «хочу ему помочь» или «помогаю ему», «зovu кого-то на помощь», «заступаюсь», «разнимаю», «пытаюсь разобраться в ситуации» и др.

Однако небольшая часть старшеклассников демонстрирует нейтральное, неопределенное отношение к проявлениям насилия, о чем свидетельствуют следующие ответы испытуемых: «я наблюдаю», «смотрю». Для юношей такие ответы более характерны – 12 %, девушек, считающих так же, только 6 %.

Ответов, отражающих положительное отношение к насилию, среди старших школьников не было.

Жертва старшеклассниками оценивается по-разному. 35 % юношей и 44 % девушек приписывают ей негативные черты: «слабая», «плохая», «не уверена в себе», «не может дать сдачи», «с заниженной самооценкой».

23 % десятиклассниц и 18 % десятиклассников нейтрально относятся к жертве травли. Они описывают ее так: «не имеющая друзей», «постоянно одна», «замкнут в себе».

Позитивное, сочувственное отношение к жертве насилия в классе демонстрируют 33 % девушек и 42 % юношей, что отражается в таких высказываниях старшеклассников, как «он не виноват», «он терпит», он отличается от других», «переживает, но продолжает жить» и др.

83 % девушек и 76 % юношей негативно, неуважительно относятся к агрессору. Чаще всего десятиклассники используют определения «плохой», «глупый», «дурак», «даун» и нецензурные определения. По их мнению, тот, кто проявляет агрессию по отношению к сверстникам, «самоутверждается», «выпендривается», «обращает на себя внимание».

Часть молодых людей (15 % юношей и 14 % девушек) демонстрируют неопределенное отношение к агрессору, они просто не отвечают на этот вопрос, хотя высказываются по другим вопросам.

Однако среди старшеклассников есть те, кто довольно положительно относится к агрессору, считая его

«просто человеком», «среднестатистическим человеком». Таковых 3 % среди девушек и 9 % среди юношей. Возможно, они сами себе позволяют проявлять насильственные действия по отношению к своим одноклассникам.

Негативное, предосудительное отношение к свидетелям травли демонстрируют 73 % девушек и 56 % юношей, обучающихся в 10-х классах. Они называют присутствующих при травле «соучастниками», считают, что «им безразлично», «они боятся вмешиваться» или «покидают место драки».

17 % и 27 % соответственно дают неопределенную либо нейтральную оценку свидетелям насильственных действий («наблюдают», «смотрят», «снимают»).

Часть десятиклассников (10 % девушек и 17 % юношей) выказывают поддерживающее отношение к свидетелям, считают, что те получают положительные эмоции от наблюдения за травлей: «угорают», «хлопают», «тоже участвуют в избиении».

Три четверти десятиклассников (73 % юношей и 76 % девушек) негативно оценивают класс, где допускается травля одними учащимися других. Они считают такой класс «недружным и несплоченным», «странным», «плохим», в нем «нет уважения, взаимопонимания», он «делится на противоборствующие группы».

17 % и 24 % соответственно не могут определиться в своем отношении к такому классу. 10 % юношей говорят о позитивной оценке таких классов, что именно класс, допускающий преследование одними школьниками других, и является дружным и сплоченным. Вероятно, именно эти обучающиеся и выступают агрессорами, чьи действия в целом поддерживаются классом.

Лишь 15 % юношей считают, что учитель никак не реагирует на насилие в классе, а вот девушек, считающих так же, 29 %. Видимо, одни и те же действия учителя оцениваются ими по-разному. Юноши обычно отвечают, что учителям «все равно», они ничего не делают», девушки – что действия, предпринимаемые учителем, недостаточны и не разрешают проблему: «делают бесполезные и бессмысленные замечания», «делают замечания, но до родителей никогда не доходит».

Остальные молодые люди (85 % и 71 % соответственно) оценивают действия учителя по предотвращению насильственных действий в классе как достаточные: «пытается разобраться в ситуации», «разнимает», «пытается предотвратить в будущем», «ругается» и т. п., то есть учитель воспринимается десятиклассниками как значимое лицо для разрешения ситуаций травли в школе.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать следующие выводы:

– подавляющее большинство старшеклассников крайне негативно относится к насилию в школе;

– большая часть десятиклассников демонстрирует неуважительное отношение к действиям агрессора, однако меньшинство считает поведение агрессора не чем-то необычным, а в целом достаточно приемлемым;

– отношение к жертве среди сверстников неоднозначно: одни считают, что она обладает негативными чертами личности, и поэтому ее преследуют; другие считают, что вся вина лежит на тех, кто проявляет агрессию, так как они не могут понять жертву;

– девушки чаще выражают негативное отношение к поведению свидетелей по сравнению с юношами, не-

смотря на то, что большинство старшеклассников сами являются свидетелями;

– девушки чаще считают, что учителя уделяют мало внимания проблеме буллинга в старших классах, а их действия по разрешению конфликтных ситуаций не приводят к желаемому результату.

Проведенное исследование показало, что отношение старшеклассников к буллингу неоднозначное: с одной стороны, они отвергают насилие как таковое, но в то же время сознательно или бессознательно винят в произошедшем самих его жертв, не всегда довольны действиями учителей. Все это свидетельствует о необходимости разработки как профилактических программ, так и программ, способствующих разрешению уже имеющихся случаев школьной травли, которые должны включать разделы для всех субъектов образования: и школьников, и педагогов, и родителей, и администрации [20].

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Псковской области в рамках научного проекта № 15-16-60004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина Р.Р. Буллинг в образовательной среде: проблема и пути изучения // Психология человека в условиях здоровья и болезни: материалы V Международной научно-практической конференции. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2015. С. 254–258.
2. APA Resolution on Bullying Among Children and Youth, July 2004. URL: apa.org/about/policy/bullying.pdf.
3. McCallion G., Feder J. Student bullying: overview of research, federal initiatives, and legal issues. Washington: Congressional Research Service, 2013. 29 p.
4. Farmer T.W., Xie H. Agression and school social dynamics: the good, the bad, the ordinary // Journal of School Psychology. 2007. № 45. P. 461–478.
5. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
6. Graham S., Juvonen J. An attributional approach to peer victimization // Peer harassment in school: the plight of the vulnerable and victimized. New York: Guilford Press, 2001. P. 49–72.
7. Терранова Э., Хиллз У.Е. Буллинг как проблема общественного здоровья: идентификация и управление агрессивным поведением в школьной среде // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. 2014. № 3. С. 22–30.
8. Olweus D. Bullying at school: what we know what we can do. New York: Wiley-Black-well, 1993. 135 p.
9. Pozzoli T., Gini G. Active defending and passive bystander behavior in bullying: the role of personal characteristics and perceived peer pressure // Journal of Abnormal Child Psychology. 2010. № 38. P. 815–827.
10. Fanti K.A., Kimonis E.R. Dimensions of juvenile psychopathy distinguish “bullies”, “bully-victims”, and “victims” // Psychology of Violence. 2013. № 3. P. 396–409.
11. Петросянц В.Р. Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского

- государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 151–154.
12. Juvonen J., Graham S., Schuster M.A. Bullying among young adolescents: the strong, the week, and the troubled // *Pediatrics*. 2003. № 112. P. 1231–1237.
 13. Соловьев Д.Н. Буллинг в среде школьников подросткового возраста // *Обучение и воспитание: теория и практика*. 2013. № 5. С. 19–23.
 14. Wilton M.M., Craig W.M., Pepler D.J. Emotional regulation and display in classroom victims of bullying: characteristic expressions of affect, coping styles, and relevant contextual factors // *Social Development*. 2000. № 9. P. 226–245.
 15. Eslea M., Menesini E., Morita Y., O'Moore M., Mora-Merchan J.A., Pereira B., Smith P.K. Friendship and loneliness among bullies and victims: data from seven countries // *Aggressive Behavior*. 2003. № 30. P. 71–83.
 16. Olweus D., Limber S.P., Flerx V.C., Mullin N., Riese J., Snyder M. Olweus bullying prevention program: schoolwide guide. Hazelden: Center City MN, 2007. 280 p.
 17. Ермолова Т.В., Савицкая Н.В. Буллинг как групповой феномен: исследование буллинга в Финляндии и скандинавских странах за последние 20 лет (1994–2014) // *Современная зарубежная психология*. 2015. Т. 4. № 1. С. 65–90.
 18. Грибанова Д.Я. Представление о буллинге старшеклассников // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2015. № 23. С. 80–85.
 19. Максименкова Л.И. Представления подростков о буллинге // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. 2015. № 2. С. 201–205.
 20. Бочавер А.А. Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей // *Психологическая наука и образование www.psyedu.ru*. 2014. № 1. С. 47–55.
- REFERENCES**
1. Kalinina R.R. Bullying in educational environment: problems and ways of study. *Psikhologiya cheloveka v usloviyakh zdorovya i bolezni: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tambov, Biznes-Nauka-Obshchestvo Publ., 2015, pp. 254–258.
 2. APA Resolution on Bullying Among Children and Youth, July 2004. URL: apa.org/about/policy/bullying.pdf.
 3. McCallion G., Feder J. *Student bullying: overview of research, federal initiatives, and legal issues*. Washington, Congressional Research Service Publ., 2013. 29 p.
 4. Farmer T.W., Xie H. Aggression and school social dynamics: the good, the bad, the ordinary. *Journal of School Psychology*, 2007, no. 45, pp. 461–478.
 5. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bullying as a research object and a cultural phenomenon. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013, vol. 10, no. 3, pp. 149–159.
 6. Graham S., Juvonen J. An attributional approach to peer victimization. *Peer harassment in school: the plight of the vulnerable and victimized*. New York, Guilford Press Publ., 2001, pp. 49–72.
 7. Terranova E., Khillz U.E. Bullying as the problem of public health: identification and control of aggressive behavior in school environment. *Vestnik Uchebno-metodicheskogo obedineniya vuzov Rossii po obrazovaniyu v oblasti sotsialnoy raboty*, 2014, no. 3, pp. 22–30.
 8. Olweus D. Bullying at school: what we know what we can do. New York, Wiley-Blackwell Publ., 1993. 135 p.
 9. Pozzoli T., Gini G. Active defending and passive bystander behavior in bullying: the role of personal characteristics and perceived peer pressure. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2010, no. 38, pp. 815–827.
 10. Fanti K.A., Kimonis E.R. Dimensions of juvenile psychopathy distinguish “bullies”, “bully-victims”, and “victims”. *Psychology of Violence*, 2013, no. 3, pp. 396–409.
 11. Petrosyants V.R. Bullying in modern school environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 6, pp. 151–154.
 12. Juvonen J., Graham S., Schuster M.A. Bullying among young adolescents: the strong, the week, and the troubled. *Pediatrics*, 2003, no. 112, pp. 1231–1237.
 13. Solov'ev D.N. Bullying in the environment of teenage schoolchildren. *Obuchenie i vospitanie: teoriya i praktika*, 2013, no. 5, pp. 19–23.
 14. Wilton M.M., Craig W.M., Pepler D.J. Emotional regulation and display in classroom victims of bullying: characteristic expressions of affect, coping styles, and relevant contextual factors. *Social Development*, 2000, no. 9, pp. 226–245.
 15. Eslea M., Menesini E., Morita Y., O'Moore M., Mora-Merchan J.A., Pereira B., Smith P.K. Friendship and loneliness among bullies and victims: data from seven countries. *Aggressive Behavior*, 2003, no. 30, pp. 71–83.
 16. Olweus D., Limber S.P., Flerx V.C., Mullin N., Riese J., Snyder M. Olweus bullying prevention program: schoolwide guide. Hazelden, Center City MN Publ., 2007. 280 p.
 17. Ermolova T.V., Savitskaya N.V. Bullying as a group phenomenon: results of “bullying” studies in Finland and Scandinavian countries over the past 20 years (1994–2014). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 65–90.
 18. Griбанова Д.Я. The concept of bullying of upperformers. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezultaty*, 2015, no. 23, pp. 80–85.
 19. Maksimenkova L.I. Teenagers conceptions about bullying. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye i psikhologopedagogicheskie nauki*, 2015, no. 2, pp. 201–205.
 20. Bochaver A.A. Bullying in a children's group: teachers' orientations and opportunities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie www.psyedu.ru*, 2014, no. 1, pp. 47–55.

ATTITUDE OF UPPER-FORMERS TO THE BULLYING AND ITS PARTICIPANTS

© 2016

D.Ya. Gribanova, PhD (Psychology), assistant professor of Chair of psychology
R.R. Kalinina, PhD (Psychology), assistant professor of Chair of psychology
L.I. Maksimenkova, PhD (Psychology), assistant professor of Chair of psychology
Pskov State University, Pskov (Russia)

Keywords: bullying; bullying participants; attitude to bullying; violence at school.

Abstract: The paper covers the consideration of the important social-psychological problem – the bullying, a new concept for Russian psychology but not a new phenomenon for our society. The concept of “bullying” is mostly used to analyze the cases of manhunt and violence within the educational environment. The authors give the definition of bullying from the point of view of American Psychological Association, present one of the classifications of bullying and describe the structure of this phenomenon from the point of view of dispositional approach. This structure includes the participants of bullying: aggressors, victims (passive and aggressive), witnesses (bystanders) that can, in their turn, support an aggressor actively or passively, and otherwise sympathize with a victim and defend it.

The paper presents the results of the empirical study carried out in 2015–2016 in the schools of Pskov in 5–10 grades based on the selection of more than 400 people. The authors consider the results obtained on the selection of tenth-graders showing the attitude of upper-formers to the expressions of violence at school, its participants: aggressors, victims, bystanders, and the teacher and his/her actions on the bullying prevention as well. For the empirical study, the incomplete-sentence method developed by L.I. Maksimenkova was applied. The analysis of the results obtained allowed making the conclusions on the type of the upper-formers’ attitude to the problem of bullying, revealing some contradictory in the attitude to aggressors, victims and bystanders. The data obtained displays the young people’s ambiguous estimation of the teacher’s actions in the bullying situations. The analysis of the results is presented in the gender-based aspect.